

У Эрпана умерла бабушка. Рассказывали, что в тот день у неё дома собрались приятельницы-старушки — занимались рукоделием, судачили о своём. Она сидела среди них, потом глубоко, затажно вздохнула, и голова её тихонько опустилась на грудь.

Старушке исполнилось восемьдесят четыре года — в народе такие похороны зовут светлыми, ведь человек ушёл мирно, прожив долгую и счастливую жизнь. Семью Цянь любили и соседи, и коллеги по заводу, к тому же сама покойная когда-то была активисткой женсовета ещё со времён образования КНР. Проститься с ней пришло столько народу, что в доме и во дворе буквально яблоку негде было упасть. Семья Дин и старые Цяни дружили домами много лет, так что они, конечно, тоже пошли.

Из-за огромного скопления людей процессия двигалась шумно и сумбурно. Детей близко не подпускали, поэтому им пришлось дожидаться на улице.

Юйцин сидел на большом валуне возле ритуального зала и тоскливо смотрел перед собой, вспоминая бабушку Эрпана. По характеру она очень походила на своего сына — такая же весёлая, открытая. Юйцин помнил, как перед каждым Новым годом она коптила мясо, крутила домашние колбасы и всегда наказывала внуку отнести долю их семье. Эрпан, знатный обжора, конечно же, лакомился по дороге, а когда бабушка замечала пропажу, ему неизменно прилетало по затылку.

Юйцин улыбнулся, представив, как Эрпан скачет и уворачивается от бабушкиных шлепков. Но улыбка быстро угасла. На душе стало тяжело, в носу подозрительно закололо. Куда уходят люди после смерти? Неужели и правда есть другой мир? Встретит ли там бабушка Эрпана его собственного отца? И неужели все его близкие когда-нибудь тоже умрут?

От этих мыслей сделалось так горько, что он не выдержал и тихонько захныкал, шмыгая носом.

— Ой, а кто это у нас тут плачет? Что случилось, малыш? — раздался совсем рядом незнакомый голос.

Юйцин вытер кулаком слёзы и поднял голову. Перед ним стоял мужчина лет тридцати с небольшим. Одет он был опрятно и интеллигентно, гладко причёсанные волосы блестели от бриолина. Мужчина пристально разглядывал мальчика.

— А вы кто? — недоумённо спросил Юйцин.

— Я двоюродный брат секретаря Лю, — улыбнулся тот. Поправив приколотый к груди белый траурный цветок, он уселся на валун рядом с мальчиком. — А где твои родители?

— Туда пошли, бабушку Эрпана провожать, — у Юйцина снова задрожал голос. — Я тоже хотел с ними, да меня не пустили.

— Хочешь, я тебя проведу? — мужчина пододвинулся ближе и заговорщически улыбнулся.

Юйцину почему-то стало не по себе. Он инстинктивно качнулся в сторону.

— Нет, мне велели здесь ждать.

Незнакомец окинул взглядом улицу. У входа в ритуальный зал бурлила толпа, мимо то и дело сновали люди — похоже, сегодня хоронили не только бабушку Эрпана.

Мужчина снова повернулся к мальчику и вытащил из кармана плитку шоколада:

— Держи, угощайся.

Юйцин вежливо замахал руками:

— Спасибо, дядя, я не хочу.

Но тот упрямо попытался впихнуть сладость ему в ладонь и потянулся погладить по голове. К своим кудряшкам Юйцин позволял прикасаться только родным и близким друзьям. Навязчивость чужака ему не понравилась, он резко отпрянул. Шоколадка выскользнула из рук, покатилась по заросшему травой склону и упала напрямик в сточную канаву.

Мальчику стало неловко за свою резкость, и он поспешно извинился:

— Ой, простите, пожалуйста...

Мужчина только открыл рот, чтобы ответить, как из толпы донёсся крик:

— Бао Лян! Иди сюда, подсоби!

Бао Лян медленно убрал руку, поднялся и неторопливо пошёл на зов. На полпути он обернулся и ещё раз пристально посмотрел на Юйцина.

Юйцин остался сидеть на валуне. Он с недовольной миной взъерошил свои кудри. Ладонь у этого Бао Ляна была влажной и липкой, оставив после себя мерзкое ощущение. В этот момент Юйцин впервые по-настоящему понял брезгливость Жуньшэна. Он изо всех сил потёр ладонью о шорты и обиженно надул губы.

Похороны вышли торжественными и многолюдными. После погребения поминальные автобусы отвезли провожающих в самый большой ресторан квартала Хунъюань на поминальный обед.

Юйцин огляделся по сторонам и вскоре приметил заплаканного Эрпана. Тот вместе с отцом заметно осунулся за эти дни, у обоих даже проступили подбородки. Юйцин бросился к нему. Эрпан шмыгнул носом, и слёзы вновь покатались по его сморщенному лицу. Когда бабушки не стало, он гостил у иногородней родни и так и не успел проститься с ней перед смертью.

Одна из пожилых распорядительниц строго прикрикнула на него:

— Ну-ка прекращай реветь! Человек отжил свой век в почёте, ушёл легко. Если будешь лить слёзы попусту, её душа не обретёт покой.

С этими словами она подвела Эрпана и Юйцина к большому медному тазу, заставила омыть руки, а затем сунула каждому в рот по кусочку леденцового сахара — для очищения уст. Только после этого обряда мальчиков пустили в общий зал.

Детей на поминках почти не было. От семьи Жуньшэна никто не пришёл, хотя, по слухам, они прислали весьма щедрое подношение. Родители Маганьэра присутствовали, но его строгая бабушка наотрез отказалась отпускать внука на поминальный обед.

Жуньшэн, конечно же, сидел рядом с Эрпаном. Перед началом трапезы многие выходили произнести памятное слово, вспоминая добрый нрав и заслуги покойной старушки. Ли Шуминь со своими старыми подругами то и дело прижимали к глазам кружевные платочки.

Спустя некоторое время среди выступавших Юйцин заметил того самого мужчину, который навязывал ему шоколад. За столами сразу зашептались:

— Это ведь Сяо Бао? До чего видный молодой человек, да и карьера в гору идёт. Надо же, сам Лю Вайцзуй — ни кожи ни рожи, а двоюродный брат у него такой статный красавец.

Официанты начали разносить угощения. Сначала подали традиционную тушёную капусту с тофу, а следом пошли роскошные, редкие на столах мясные деликатесы. Стоило появиться выпивке и сытной еде, как скорбное уныние быстро рассеялось. Мужчины принялись чокаться, закуривать и шумно разливать спиртное. Огромный зал ресторана постепенно наполнился нестройным гулом голосов.

«Все эти люди пришли сюда, но будто бы только ради того, чтобы хорошенько поесть», — подумал Юйцин. В его детской душе вдруг шевельнулось не по годам взрослое, щемящее чувство скоротечности бытия. «Неужели в этом и заключается вся человеческая жизнь?» — отстранённо подумал он.

Смерть бабушки подкосила Эрпана. Обычно во время летних каникул он первым мчался на улицу и носился до темноты, а теперь целыми днями сидел дома, угрюмый и погружённый в собственные мысли. Взрослые, конечно, тоже тосковали, но у них была работа, и разглядеть за повседневными заботами переживания ребёнка им было недосуг.

Юйцин очень за него переживал. Если раньше он каждый день пропадал в гостях у Жуньшэна, то теперь всё время проводил у Эрпана. Сделать он толком ничего не мог, но просто сидел рядом, слушал его редкие всхлипывания и тихо разговаривал обо всём на свете.

Как-то раз Жуньшэн пришёл навестить его сам. Вид у него был крайне недовольный.

— Почему ты больше ко мне не заходишь? — хмуро спросил он.

— Мне нужно побыть с Эрпаном, — честно ответил Юйцин.

Лицо Жуньшэна тут же потемнело от обиды.

— Врун, — процедил он сквозь зубы. — А ещё другом выставлялся.

— Так я и есть твой друг! — растерялся Юйцин. — Но ведь и Эрпан мне тоже друг.

Жуньшэн развернулся и, не проронив больше ни слова, зашагал прочь. Юйцин кричал ему вслед, пытался остановить, но тот даже не обернулся.

С этого дня между ними пролегла глубокая трещина. После этого Юйцин несколько раз сталкивался с Жуньшэном во дворе и пытался заговорить, но тот всякий раз демонстративно отворачивался и проносился мимо, точно порыв ветра. Юйцин выбегал за ним на улицу, но в суматохе прохожих след Эрмяо уже терялся.

Сколько бы Юйцин ни стучал в запертую дверь квартиры Жуньшэна, ему никто не открывал. Со стороны могло показаться, что дома никого нет, но мальчик прекрасно знал правду: пока он поднимался по лестнице, изнутри отчётливо доносились звуки пианино, которые тут же смолкали при его приближении.

Ситуация складывалась до крайности унылая. Юйцин и раньше спорил с ребятами во дворе, но детские ссоры обычно забывались через пять минут. Никто из его друзей не умел дуться так долго и упорно, как Эрмяо. И ведь обида его была совершенно глупой и необоснованной: подумаешь, Юйцин всего лишь решил поддержать горящего Эрпана вместо того, чтобы целыми днями просиживать у Жуньшэна дома.

К тому же Эрпану сейчас было по-настоящему плохо, а Жуньшэн ни разу не пришёл его навестить. Это казалось Юйцину неправильным — они ведь все считались друзьями. Чем больше он размышлял об этом, тем сильнее злился на упрямство друга. Но как растолковать всё Жуньшэну, если тот наотрез отказывался даже смотреть в его сторону?

Мальчик лишь тяжело, сокрушённо вздыхал, думая о том, как же нелегко ему приходится.

Была и другая забота, не дававшая покоя, — Бао Лян, двоюродный брат Лю Чжаолуна. Поговаривали, что этот мужчина женился меньше года назад, а недавно его отправили на стажировку в местный суд района Хунъюань. Поскольку добираться до работы из собственного дома было далеко, он временно обосновался в квартире своего кузена, секретаря Лю.

Поскольку Лю Вайцзуй жил в одном подъезде с семьёй Дин, Юйцин постоянно сталкивался с его новоиспечённым постояльцем. Бао Лян умел расположить к себе людей и всего за пару дней успел завоевать симпатии соседей по двору. Лишь бабушка Ли Шуминь относилась к нему с неприкрытым подозрением. Она качала головой и ворчала, что парень больно уж скользкий и с ним ухо нужно держать востро. К тому же её не на шутку раздражало, что этот хлыщ то и дело крутится возле Чжоу Хуэй, пытаясь завязать разговор.

Чжоу Хуэй, хоть ей уже и перевалило за сорок, оставалась женщиной статной и удивительно красивой — не зря ведь её дети уродились похожими на утончённых фарфоровых куколок. Она была умна, прекрасно воспитана и занимала хорошую должность, так что претендентов на её руку всегда хватало. Однако, во-первых, на её плечах лежали заботы о пожилой свекрови и двоих детях, а во-вторых, сама она давно поставила крест на личной жизни, поэтому за прошедшие годы так никого к себе и не подпустила.

Чжоу Хуэй от подобных разговоров чувствовала себя уязвлённой и поспешила оправдаться перед матерью:

— Мама, ну что за вздор вы выдумываете? В моей жизни после смерти Брата Кана больше никогда не будет другого мужчины. У Бао Ляна жена со дня на день ждёт ребёнка, а он заискивает передо мной только потому, что надеется на мою помощь при родах. Супруга секретаря Лю на днях ведь тоже приносила нам гостинцы именно ради этого.

Ли Шуминь лишь недоверчиво покачала головой:

— По уму-то оно так, да только нутром чую — нечисто тут что-то. Ты всё же поосторожнее с ним будь, приглядывайся.

Юйфэнь, крутившаяся рядом, тут же вставила свои пять копеек:

— Все наперебой твердят, какой он писанный красавец, а по мне — до нашего папы ему как до луны пешком! Если мама когда-нибудь и решит выйти замуж, её избранник точно не должен быть уродливее отца.

— Ишь, разболталась, егоза! — прикрикнула на неё Ли Шуминь. — Чего мелешь языком без умолку?

Поняв, что дома сейчас поднимется очередной шум, Юйцин быстро схватил портфель с тетрадками и решительно направился к выходу:

— Я пойду к Эрпану, мы договорились вместе делать уроки!

Он просидел у Эрпана всё утро и засобиравшись уходить лишь ближе к полудню. Юйцин планировал заглянуть домой, раздобыть там чего-нибудь вкусного и вернуться обратно, чтобы пообедать вместе с Эрпаном и Маганьэром.

Но едва он вышел за порог, как обомлел. Навстречу ему, тяжело опираясь о стену, медленно тащился Жуньшэн. Одной рукой он мёртвой хваткой сжимал складной нож, а ладонью другой хватался за выступы кирпичей, оставляя на штукатурке багровые отпечатки крови. Он сильно хромал, волоча за собой ногу.

От ужаса Юйцин оцепенел. Лишь спустя несколько секунд он пришёл в себя и со всех ног бросился к другу, едва не плача от испуга:

— Эрмяо! Что с тобой случилось?! Ты что, умираешь?!

Завидев его, Жуньшэн демонстративно отвернулся и с упрямым, гордым видом продолжил свой мучительный путь во двор, переставляя ноги с великим трудом.

Юйцин окончательно разрыдался:

— Пожалуйста, давай я позову взрослых, пускай отвезут тебя в больницу!..

Терпение раненого лопнуло. Жуньшэн закатил глаза и раздражённо выдохнул:

— Да ногу я подвернул!

Договорив, он высоко вскинул подбородок и исподлобья уставился на Юйцина.

Юйцин рванулся вперёд, чтобы подставить плечо, но Жуньшэн с силой оттолкнул его:

— Не трогай меня. Без тебя обойдусь.

Юйцин сердито смахнул слезу с щеки:

— Нет, не обойдёшься! Тебе что, совсем не больно?

Жуньшэн пропустил вопрос мимо ушей и язвительно процедил:

— О, надо же, вспомнил наконец про меня?

Юйцин решил не обращать внимания на его колючки. Он молча перекинул руку упрямца через свою шею и крепко обхватил его за талию:

— У нас дома есть мазь. Пошли, сначала рану обработаем.

Противиться больше не было сил, и Жуньшэн наконец покорно затих, позволяя себя вести.

<http://bllate.org/book/19415/1951504>